

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Social Relations of Kalmyks in the First Half of the XIXth Century

*М. С. Горяев (M. Goryaev)*¹

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of History, Associate Professor of the Russian History Department at Kalmyk State University). E-mail: mergengoryaev@mail.ru.

В статье рассматриваются социальные отношения калмыков в первой половине XIX века. Анализ позволяет сделать вывод о том, что у калмыков до вхождения в состав Российского государства сложились социальные отношения, которые имели специфические особенности, связанные с кочевым образом жизни. Законодательно зависимые отношения не были зафиксированы ни в одном документе, и лишь российские законодательные акты закрепили их между простолюдинами и привилегированной кочевой верхушкой, укрепив сословную иерархию в калмыцком обществе.

Ключевые слова: калмыки, социальные отношения, сословие, нойон, зайсанг, простолюдин

The article examines the social relations in Kalmyk society in the first half of the XIXth century. Legally dependent relations had not been recorded in any document till the Russian legislation fixed them between the commoners and the privileged nomadic elite, having strengthened caste hierarchy in Kalmyk society. Taisha, who was officially called Khan governed the people. Noyons-landlords belonged to the highest class in the traditional social structure of Kalmyk nomads and their rights were hereditary. They were the heads of uluses but aimags were under zayangs. The descendants of Kalmyk commoners also belonged to tsagan yasn („white bone“). They had received from the Dalai Lama or khans freedom from taxes and land allotments – the aimags. The composition of the upper class also included the Kalmyk clergy, whose positions were not hereditary. The most part of the Kalmyk society were the commoners, or khar yasn („black bone“), who since the time of the Mongol Empire had to provide a certain number of the armed men and provisions. The commoners were divided into several groups: aimag, ketcheners, shabiners, tarkhans / darkhans, andyns. In the course of time the privileged position of the nomadic elite disappeared and both commoners and representatives of the highest class became full-fledged citizens of the Russian Empire.

Keywords: Kalmyks, social relations, estate, noyon, zaisang, commoner.

Степные просторы Нижнего Поволжья с давних времен привлекали многочисленные кочевые народы, представляя для них ценность в качестве пастбищ. На рубеже XVII в. из Центральной Азии в эти земли переселились этнополитические объединения ойратов, получивших на новой Родине имя *калмыки*. Территория кочевий этноса в XVIII в. получила название Калмыцкая степь. В 1800 г. императорским указом был учрежден пост наместника и восстановлена центральная калмыцкая власть в особой административно-территориальной единице.

При этом, как отмечает К. Н. Максимов, новое административное образование не обладало признаками национально-государственного суверенитета и не имело своей системы государственного управления [Максимов 2002: 157].

История Калмыкии освещена в фундаментальном труде «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней». В данном издании рассмотрены в том числе и процессы периода преобразований первой половины XIX в. [История Калмыкии 2009: 464–514]. Разными исследователями

в научных трудах изучены также вопросы истории калмыков в XVII–XIX вв., в частности: правовой статус калмыков в системе российской государственности [Бурчинова 1983; Максимов 2002; Абеева 2006], социальная стратификация калмыцкого общества [Митиров 1989; Нахаева 2000; Батыров 2004], российское подданство калмыков в ритуалах и символах [Трепавлов 2014], вопросы развития экономики в Калмыцкой степи [Карагодин 1988; Лиджиева 2015].

В данной статье рассматриваются социальные отношения калмыков в первой половине XIX в.

Социальная стратификация калмыков формировалась в условиях кочевого образа жизни и имела свои особенности. Общественные отношения у кочевников основывались на исторических традициях, уходящих корнями в военное прошлое: привилегированность положения во многом определялась происхождением от какого-либо военачальника. Известный исследователь истории Востока А. И. Першиц отмечал, что «у кочевников весь комплекс процессов классополитогенеза протекал замедленными темпами» [Першиц 1998: 64]. Медлительность в образовании сословий у кочевников Евразии была связана с кочевым образом жизни, когда земля представляла для них ценность в качестве источника пропитания для скота до тех пор, пока на ней могли пастись стада. Земля не являлась частной собственностью какого-либо лица из высшего сословия и, пока не стала объектом товарно-денежных отношений в кочевых обществах, зависимые отношения четко не проявлялись. Используя землю в качестве пастбищ для скота, кочевники покидали ее, переходя на другие территории, не закрепив на нее никаких прав. Землей пользовался весь род, а повинности в пользу более богатых сородичей существовали в виде добровольных приношений.

Я. П. Дуброва считал, что зависимые отношения формируются через собственность на землю, крепостное же право, которое подразумевало феодально-зависимые отношения, у кочевых народов проявлялось иначе. Исследователь отмечал, что крепостное право у калмыков юридически было закреплено только благодаря российскому законодательству: «...признано было право владеть калмыками-простолюдинами на правах полного подчинения последних первым — не только в экономическом, но

и судебно-административном отношении» [Дуброва 1898: 12–13].

Иерархическую лестницу общества калмыков Дуброва описал следующим образом: родоначальник считается главой рода, как отец в семье, остальные же члены рода находятся в положении равноправных родственников. Родовитые калмыки не составляли отдельного сословия со своими обособленными правами, дающими им преимущество перед остальным народом. Привилегированностью положения пользовались старики, «не запятнанные пороками, мудрые житейским опытом и являющиеся хранителями родовых традиций и обычного права» [Дуброва 1898: 101–102]. По мнению ученого-этнографа, «...привилегированное калмыцкое сословие с правами господ над рабами есть продукт нашего собственного, искусственного, но не искусного создания среди калмыцкого народа...» [Дуброва 1898: 102].

Подобную точку зрения разделял и другой исследователь общественной жизни калмыцкого народа — Г. Н. Прозрителев, отмечавший, что именно с выходом в 1800 г. указа Павла I, даровавшего калмыкам землю, «владельцы их, получив права, окончательно закрепостили народ» [СГКМ. Ф. 2. Д. 96. Л. 13]. В начале XIX в., как он далее отмечает, калмыки находились в безграничном владении нойонов, которые пользовались особым уважением народа, так как являлись потомками знаменитого Чингисхана. Он также подчеркивает, что основой привилегированного положения кочевой аристократии является военное прошлое народа: «У калмыка всегда господствовало военное устройство, и калмык обязан был по первому призыву идти в ополчение. Калмык, просыпаясь и выходя из своей кибитки, прежде отгона своего стада на пастьбу, осматривал, не стоит ли владельческая пика со значком — символ призыва, и если усмотрел таковую, то он немедленно должен собираться, оставляя свое хозяйство» [СГКМ. Ф. 2. Д. 96. Л. 14–15].

Исследователь общественного устройства кочевников И. В. Бентковский отмечал, что «у монголов тайши и нойоны были потомственными воеводами. Что же касается народа, то военная его организация не допускала владения ими в смысле нашего прежнего крепостного права» [Бентковский 1888: 8].

Иную точку зрения встречаем в труде Н. А. Нефедьева, который подчеркивал, что до прихода в Россию у калмыков существовали зависимые отношения. При этом власть нойонов столь неограниченна, «что они могли располагать собственностью и свободой, но даже самую жизнь людей им принадлежащих» [Нефедьев 1834: 93]. Н. А. Нефедьев также отмечал благотворное влияние российской политики на кочевое общество калмыков, в частности, на облегчение участи простолюдинов.

Данное мнение разделял и Ф. А. Бюлер, утверждавший, что произвол и самоуправство нойонов были укреплены обычаями. Владельцы облагали сборами своих подвластных, брали с них подать скотом и деньгами, а тех, кто не мог их выплатить, продавали или подвергали жестоким истязаниям [Бюлер 1846, кн. 8: 64].

Сословные отношения у калмыков существовали задолго до вхождения в состав Российского государства. Их специфика была связана с особенностями общественного уклада жизни скотоводов. Зависимые отношения у калмыков не были «изобретены» русскими властями, которые старались не вмешиваться в сложившиеся отношения калмыцкого общества и только законодательно их подтверждали: из «Правил для управления калмыцким народом» 1825 г. следует, что «внутреннее управление Калмыками в улусах предоставляется владельцам» [ПСЗРИ 1830, Т. XL. № 3029].

Традиционная социальная структура калмыков-номадов была следующей. Высшим сословием являлись владельцы — нойоны, чьи права были наследственными. Они считались благородными по происхождению и относились к «белой кости» (цаһан ясн): «Начальное приобретение сих прав теряется в глубокой отдаленности, а потому и основания их остаются неизвестными. Полагают, однако же, что достоинство нойонов и соединенные с оным преимущества зависели от верховных повелителей Монгольской империи и были жалованы знаменитым их полководцам или родственникам» [Нефедьев 1834: 90]. Как видим, их власть напрямую связана с военной историей монголов.

Придя в пределы России, калмыки имели уже свое внутреннее устройство. Во главе народа стоял тайша, именовавшийся официально ханом. Во главе улусов — административно-территориального деления

— назначались ближайшие родственники тайши — нойоны, а аймаками управляли, по уполномочию нойонов, их родственники или близкие люди — зайсанги. У них в подчинении находились калмыки-простолюдины, со времен Монгольской империи обязанные поставлять известное число вооруженных людей и доставлять, смотря по потребностям, припасы на их содержание.

Общественные отношения у калмыков-кочевников покоились на родовых традициях: «Порядок избрания тайдзи из нойонов не был точно определен; власти этой обыкновенно достигал более сильный и влиятельный нойон, успевший подчинить себе других нойонов хитростью, лестью и оружием» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2. Л. 17]. Отношения знати и простолюдинов также основывались на обычаях, существовавших с давних времен. Уважение калмыков к владельцам зиждилось на вере в их высшее происхождение [Нефедьев 1834: 93].

К «белой кости» относились и потомки простых калмыков, которые получили от Далай-ламы или ханов свободу от податей и земельные наделы — аймаки. «Права зайсангов состоят в том, что они пользуются от аймаков своих по очереди прислугою и денежными доходами. Что же касается до обязанностей, то оныя заключаются в соблюдении по аймакам порядка и в исполнении владельческих приказаний. Каждый владелец в случае неудовольствия на подвластного зайсанга может, несмотря на белые кости, наказать его, на что нет и претензий, но лишать звания, от предков наследованного, или отобрать у него аймак без суда права не имеет» [Нефедьев 1834: 91].

В состав высшего сословия входили также служители веры — калмыцкое духовенство, не являвшееся потомственным. По обычаю каждая семья, имеющая трех или более сыновей, одного с младенчества назначала в духовный сан [Нефедьев 1834: 91]. Главой церкви являлся верховный первосвященник — Лама, назначаемый Далай-ламой, а впоследствии российскими властями Высочайшим указом по представлению министра внутренних дел [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144].

Самой большой частью калмыцкого общества являлись простолюдины, или *хар ясн* (букв. «черная кость»). Как отмечал Н. А. Нефедьев, они не имели «семейственных фамилий и никаких прозваний, кроме одних собственных имен», и носили «целы-

ми поколениями или родами имена древних родоначальников» [Нефедьев 1834: 89].

В свою очередь простолюдины подразделялись на ряд групп:

- аймачные, состоявшие под управлением нойонов и зайсангов и несшие в их пользу повинности;

- кетчинеры, чье происхождение связано с военным прошлым калмыков. Они состояли при владельцах, обслуживая их в походах, в доме. Они набирались из лучших фамилий всех улусов и аймаков и должны были постоянно жить при ставках своих повелителей [Бентковский 1888: 9];

- шабинеры, пожалованные владельцами хурулам-монастырям;

- тарханы или дарханы – привилегированное сословие, освобожденное от повинностей за храбрость и отличную службу владельцам, находившееся в прямой зависимости от тайшей и нойонов и подсудное только им [Бентковский 1888: 9].

Кроме того, в Калмыцкой степи имелись лица, называвшиеся «андыны», находившиеся как бы вне общества. Согласно религиозным представлениям, простолюдин, решивший спасти от смерти своего хозяина, должен был принести себя в «жертву», что в жизни означало его устранение из общества. Ему устраивали торжественные проводы, изгоняли из улуса, и он вынужден

был кочевать в одиночестве.

Из всех кочующих народов только иерархичность калмыков была узаконена, российские власти подтверждали их социальную структуру законодательно: «По состояниям калмыцкий народ разделяется на нойонов, владеющих улусами; на владельцев, имеющих по несколько кибиток и семейств; на зайсангов родовых, владеющих аймаками, и зайсангов безаймачных; на духовников, к коим принадлежит Лама и др. лица и, наконец, на простолюдинов» [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144].

Подводя некоторые итоги, отметим, что социальные отношения у кочевников-калмыков имели специфические особенности, связанные с кочевым образом жизни. Российские власти укрепляли сословную иерархию, подтверждая ее законами. Важно отметить, что законодательно зависимые отношения не были зафиксированы ни в одном документе, и лишь российские законодательные акты закрепили их между простолюдинами и привилегированной кочевой верхушкой, хотя их знатное происхождение имеет свои истоки еще в древности. В дальнейшем привилегированное положение кочевой знати уйдет в прошлое, и кочевники-простолюдины станут наравне с ними полноправными гражданами Российской империи.

Источники

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649–1825). Т. XL. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 136 с.; Собр. 2-е (1825–1881). Т. XXII. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 950 с.

СГКМ – Ставропольский государственный краеведческий музей.

Литература

Абеева О. Н. Политика российского правительства по управлению Калмыкией в конце XVIII – первой половине XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2006. 205 с.

Батыров В. В. Социально-экономическое и политическое положение нойонов и зайсангов в калмыцком обществе в конце XVIII – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 229 с.

Бентковский И. В. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1888. 92 с.

Бурчинова Л. С. Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 3–22.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. XLVII. Кн. 7. С. 1–28; Кн. 8. С. 59–125.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 239 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.

Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Ростов-на-Дону: б.и., 1988. 150 с.

- Лиджиева И. В. Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 16–21.
- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Митуров А. Г. Материалы к положению неподатного населения в калмыцком обществе (II пол. XVII – I пол. XIX века) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Сб. ст. Элиста, 1989. С. 38–42.
- Нахаева И. В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000. 23 с.
- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. Спб.: тип-ия Карла Крайя, 1834. 287 с.
- Перишиц А. И. Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. № 2. С. 64–72.
- Трепавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики (XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1: 1649–1825. Vol. XL. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 136 p. Coll. 2: 1825–1881. Vol. XXII. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 950 p. (In Russ.)
- State Archive of Stavropol Krai.
- Stavropol State Museum of Local History and Lore.

References

- [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Abeeva O. N. [Administrative Policies of the Russian Government towards Kalmykia: Late 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis. Elista, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Socioeconomic and Political Positions of Kalmyk Noyons and Zaisangs: Late 18th – Early 20th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis. Moscow, 2004. 229 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. [An Insight into Nomadic Culture of the Kalmyks and Causes of Its Persistence]. Stavropol: Stavropol Provincial Government, 1888. 92 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Determining a legal status of Kalmyk peasantry within the Russian Imperial system. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Sociopolitical Development]. Elista, 1983. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Byuler F. A. Nomadic and sedentary non-Russian populations of Astrakhan Governorate. *Otechestvennye zapiski*. 1846. Vol. XLVII. Is. 7, pp. 1–28; is. 8, pp. 59–125. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: Their Everyday Life before the Decree of 15 March 1892]. Kazan: Imperial Kazan University, 1898. 239 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. [Volga Kalmyks: Economy and Sociopolitical System, 1770s – 1850s]. Rostov-on-Don, 1988. 150 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Financial and economic activity of the institutions of local government in the Kalmyk Steppe in XIX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 16–21. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Miturov A. G. Conditions of tax-exempt groups in Kalmyk society: (documentary) materials, mid-to-late 17th – early-to mid 19th centuries. In: [Peasantry of Pre-October (Pre-Revolutionary) Kalmykia: Socioeconomic and Political Conditions]. Coll. papers. Elista, 1989. Pp. 38–42. (In Russ.)
- Nakhaeva I. V. [Social Stratification among Nomadic Peoples of Cis-Caucasian Steppe: 19th – Early 20th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Stavropol, 2000. 23 p. (In Russ.)
- Nefediev N. A. [Volga Kalmyks: Detailed Data Collected on Site]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 287 p. (In Russ.)
- Pershits A. I. Nomads in world history. *Oriens*. 1998. No. 2. Pp. 64–72. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic policy in 17th-19th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)